

Анастасия Кан

**Тень алой птицы:
Возрождение феникса**

18+

Анастасия Кан
Тень алой птицы:
Возрождение феникса
Серия «Алая Птица», книга 2

*<https://litres.ru/73843422>
SelfPub; 2026*

Аннотация

Хан Со Ин и генерал Кан вынуждены объединиться с Кан Хе Вон, чтобы раскрыть заговор и спасти короля. Любовь становится оружием, а милосердие — слабостью. На кону жизнь не рождённого ребенка и судьба династии. В мире, где власть слаще жизни, выживет лишь тот, кто готов сжечь дворец дотла, чтобы спасти тех, кто ему дорог. Атмосфера эпохи Чосон, где каждый шепот может стать приговором.

Анастасия Кан
Тень алой птицы:
Возрождение феникса

Глава 1. Шелковый трон.

Март вступил в свои права нежно, почти робко, касаясь черепичных крыш Кёнбоккуна влажным дыханием оттепели. Но внутри дворцовых стен зима не собиралась сдаваться. Здесь холод был не погодным явлением, а состоянием души — он въелся в камень фундаментов, пропитал тяжелые шелка занавесей и осел инеем в складках человеческих сердец.

Пак Ми Хи проснулась до рассвета. Ей не нужны были водяные часы или удар гонга; её внутренние биологические часы, отточенные семью десятилетиями выживания в мире, где любовь была роскошью, а доверие — смертельным грехом, срабатывали точнее любого механизма. Она открыла глаза и некоторое время лежала неподвижно, глядя в темноту балдахина. Шестьдесят дней, два месяца.

Срок, ничтожный для истории династии, но достаточный, чтобы перекроить судьбу государства. Шестьдесят дней, как она официально носит титул Регента при недееспособном внуке. Шестьдесят дней, как Ли Джин не подает признаков жизни, превратившись из угрозы в декорацию, в живую мебель в своих собственных покоях.

Она поднялась с ложа. Движения были плавными, лишёнными суеты, но в суставах простреливала знакомая, ноющая боль. Возраст — единственный враг, которого нельзя было

подкупить, отравить или сослать. Но его можно было обмануть.

Ми Хи подошла к массивному зеркалу из полированной бронзы. В тусклом свете единственной масляной лампы отражалось лицо, которое мир привык видеть неизменным. Морщины были тщательно скрыты слоем рисовой пудры, смешанной с секретным составом из яичного белка и жемчужной пыли. Тонкие кисти, дрогнувшие лишь на мгновение, взяли карандаш из сажи. Она вывела брови — строгие, чуть приподнятые, выражающие неумолимую волю. Затем румяна. Не яркие, вызывающие, а благородные, цвета увядающей вишни.

Дверь бесшумно приоткрылась. На пороге возникла Ана. Её немая служанка появилась как призрак, не нарушив тишины ни скрипом половицы, ни шелестом одежд. За два месяца регентства Ана постарела, её спина согнулась чуть сильнее, но глаза оставались всё такими же преданными и внимательными. Она несла поднос с утренним чаем и набором для облачения. Ана не произнесла ни звука — она не могла. Язык, вырезанный в наказание за давно забытую провинность ещё при предыдущем короле, превратил её молчание в идеальное оружие. Она была всевидящей, всеслышащей и абсолютно безгласной.

Ми Хи кивнула, не оборачиваясь. Ана поставила поднос, склонив голову в глубоком поклоне, и подняла чашку с чаем — горьким, насыщенным женишем и корнем астрага-

ла. Это был не напиток, а топливо. Ей нужна была ясность ума, сталь в венах. Сегодня день Большого Совета. День, когда провинциальные губернаторы ждут решений о налогах. День, когда её брат, Левый советник Пак Мён Хо, ожидает подтверждения новых земельных пожалований.

Ми Хи сделала глоток, чувствуя, как тепло разливается по желудку, вытесняя утренний озноб. Она протянула руку, и Ана мгновенно вложила в неё тонкую кисть для макияжа. Никаких слов не требовалось. За пятьдесят лет службы между ними установилась связь, более тонкая, чем речь. Движение брови, взгляд, жест пальцами — Ана понимала всё.

— Одежду, — произнесла Ми Хи, и голос её прозвучал сухо, как треск сухой ветки.

Ана поклонилась и начала процесс облачения. Это был ритуал, сакральное действо, превращающее женщину в институт власти. Сначала нижняя рубаша из белого шелка, холодное касание кожи. Затем многослойный ханбок цвета глубокого индиго, почти черного, с вышитыми серебряными нитями фениксами. Каждый слой утяжелял её, придавал осанке ту самую незыблемость, которую придворные называли «величием». Ми Хи чувствовала вес одежд как физическое давление. Это была броня. Под ней она была старой, уставшей женщиной. В них она была Регентом Чосона, хозяйкой жизни и смерти.

На голову водрузили корону регента — не полную корону короля, но достаточно тяжелую, чтобы напоминать о це-

не власти. Нефритовые подвески мягко звякнули, когда она повернула голову. Звук был тихим, но в тишине покоев он прозвучал как приговор. Ана поправила складки одежды, её пальцы дрожали лишь чуть-чуть, выдавая напряжение. Ми Хи положила ладонь ей на плечо, успокаивая. Ана подняла глаза, и в них мелькнула благодарность.

Ми Хи подошла к окну. За бумагой ширм серело небо. Ранняя весна. Время, когда земля должна пробуждаться. Но за пределами дворца земля стонала.

Она знала отчеты. Знала, что в провинции Чолла крестьяне едят кору деревьев. Знала, что на севере гарнизоны не получают жалования уже третий месяц. Знала, что торговые пути замерли из-за новых пошлин, введенных её братом.

Пак Мён Хо её кровь, её инструмент и её главная проблема.

Когда клан Ким пал, Ми Хи думала, что научила брата главному уроку: мера. Ким Док Хи был чудовищем, но чудовищем разумным. Он понимал, что курицу, несущую золотые яйца, нельзя резать ради одного обеда. Он воровал, но оставлял крестьянам достаточно, чтобы они не восстали. Он убивал, но точно, чтобы не создавать мучеников.

Мён Хо не понимал этого. Для него власть была не садом, требующим ухода, а лесом, который нужно выжечь дотла, чтобы собрать пепел. За два месяца регентства его богатства утроились. Его амбары ломились от зерна, пока в столице вводили карточки на рис. Он считал, что они партнеры.

Он не понимал, что он — временщик. Губка, которую можно выжать и выбросить, когда она впитает слишком много грязи.

Ми Хи повернулась от окна и взглянула на стол. Ана уже положила там сверток бумаги. Печать Левого советника. Ми Хи не стала разворачивать. Она знала, что там. Очередное требование выделить средства на «ремонт дорог», которые на самом деле вели к его новым поместьям.

Она посмотрела на Ану. Служанка поняла без слов. Она взяла бумагу, не разворачивая, и положила её в огонь жаровни. Бумага вспыхнула ярко, осветив на мгновение каменное лицо госпожи, и превратилась в пепел.

— Пусть ждет, — сказала Ми Хи, глядя, как тлеют края документа. — Пусть его люди мерзнут у ворот Совета. Пусть потеют. Страх — лучшая приправа к послушанию.

Ана склонилась в поклоне, убирая пепел.

Ми Хи повернулась от окна. Пора было навестить внука.

Путь к покоям короля лежал через лабиринт коридоров, которые за два месяца изменились. Стража сменилась. Вместо людей Хан Со Ина, верных псов старого короля, теперь стояли гвардейцы клана Пак. Их лица были каменными, глаза смотрели сквозь нее. Они знали: кто контролирует доступ к королю, контролирует Чосон.

У дверей стояли двое. Они не поклонились низко, как подобало слугам. Они лишь склонили головы, признавая её статус Регента, но их руки лежали на рукоятках мечей.

Преданность королю угасала, заменяясь преданностью силе.

Ми Хи вошла без стука.

В покоях царил полумрак. Окна были завешены плотными тканями, чтобы свет не тревожил больного. Воздух был густым, спёртым, пахнущим лекарствами, благовониями и тем сладковатым, тошнотворным запахом, который исходит от тела, слишком долго находящегося в неподвижности.

Ли Джин лежал на широком ложе. За два месяца глубокого комы он похудел. Его лицо, некогда полное решимости и гнева, теперь было восковой маской. Щеки ввалились, кожа стала прозрачной, сквозь неё просвечивали синие жилки. Он дышал тихо, прерывисто, и каждый вдох казался усили-

ем, которое могло стать последним.

У изголовья, на низкой циновке, сидела Мун Со Рён. За два месяца она изменилась. Исчезла девичья мягкость, исчезла «глиняная» покорность. Она стала тенью. Её глаза были открыты, но в них не было жизни. Она сидела неподвижно, как кукла, и лишь её пальцы механически перебирали четки. Она была единственной наложницей, которой разрешалось находиться здесь. Ми Хи выбрала её именно за это качество — способность исчезать, становясь частью мебели. Со Рён не требовала, не просила, не напоминала о своем присутствии. Она была идеальным наблюдателем.

В углу, словно слившись с темнотой, стоял евнух Чон Нам Сон. Когда-то Ли Джин назначил его, надеясь на преданность. Но преданность — товар, который портится без хозяина. Чон Нам Сон выжил, потому что научился служить тем, кто держит нож у горла. Сейчас он склонился перед Ми Хи, но в его глазах читалась осторожность. Он знал слишком много. Он видел, как Ми Ён увели под стражу. Он видел, как король захлебнулся кровью. И он молчал.

— Как он? — спросила Ми Хи, подходя к ложу. Её голос не повысился, но в тишине комнаты он прозвучал как удар плети.

Лекарь Сан вышел из тени. Он выглядел старше своих лет. Мешки под глазами, дрожь в руках, которые когда-то были твердыми, как сталь.

— Пульс слабый, Ваше Величество, — прошептал он. —

Дыхание поверхностное. Мы поддерживаем его отварами... но организм угасает. Два месяца без сознания... это долгий срок.

Ми Хи протянула руку и коснулась лба внука. Кожа была холодной, влажной. Никакой реакции. Никакого сопротивления.

— Он не умрет, Сан, — сказала она тихо, убирая руку. — Не сейчас. Небо не заберет его, пока я не позволю.

Она знала, что лжет. Или, возможно, верила в свою ложь. Ли Джин был её страховкой. Пока он дышал, её власть была легитимной. Она правила от его имени. Если он умрет, наследником станет ребенок Ми Ён, находящейся под домашним арестом. Ребенок, чья мать обвинена в покушении. Это создаст хаос. Кланы начнут рвать друг друга. А хаос — это угроза для неё.

— Продолжайте лечение, — приказала она. — Чтобы он дышал. Чтобы сердце билось.

Остальное не важно.

Она повернулась к Со Рён. Девушка медленно подняла глаза.

— Ты кормила его сегодня?

Со Рён кивнула, не открывая рта. Её движения были плавными, почти гипнотическими.

— Хорошо, — сказала Ми Хи.

Ми Хи не чувствовала жалости. Глядя на внука, она видела не человека, а символ. Сломанный символ, который всё

еще пугал врагов. Она вспомнила его глаза перед тем, как он потерял сознание. Ужас. Понимание. Он знал. В тот момент, когда яд обжег его горло, он посмотрел на неё и понял. Это знание было единственным теплом, которое она чувствовала последние два месяца.

— Выйдем, — сказала она.

Ана ждала её у двери, словно вырастая из тени. Ми Хи кивнула ей, и они покинули покои короля, оставляя за спиной запах смерти и лекарств.

Она не задержалась у двери покоев Ми Ён, расположенных в другом крыле. Королева-отравительница. Мать наследника. Узница. Ми Хи навещала её раз в месяц. Для галочки. Чтобы убедиться, что та не сбежала и не родила раньше времени. Ребенок в её утробе был бомбой замедленного действия. Если он родится здоровым, кланы потребуют короновать его. Если больным — его можно объявить незаконнорожденным. Ми Хи держала оба сценария в уме.

Коридоры вели к Залу Государственного Совета. Здесь воздух менялся. Запах лекарств сменялся запахом воска, дорогой бумаги и страха. Придворные уже собирались. Шелест одежд, тихий кашель, нервное перешептывание.

Когда Ми Хи вошла, зал погрузился в мертвую тишину. Сановники падали ниц, касаясь лбами холодного камня. Поклон был глубоким, долгим. Они не смели подняться, пока она не займет свое место.

Ми Хи прошла к возвышению. Трон короля стоял пустым, накрытый желтым шелком — знаком того, что Владыка недоступен. Рядом, чуть ниже, стояло кресло Регента. Она села. Тяжелые одежды облекали тело, создавая кокон власти.
— Поднимитесь, — сказала она.

Шорох тканей. Сановники выпрямились, но глаза их были опущены.

Первым выступил Пак Мён Хо. Он вышел вперед, его парадный халат сиял золотом, слишком ярким, слишком вызывающий для траурного времени правления.

— Ваше Величество, — начал он, и в его голосе звучала уверенность человека, который чувствует себя хозяином положения. — Доклад о сборах зимнего налога. Казна пополнена на восемьдесят процентов. Остаток... затруднения в

сборе из-за неурожаев в южных провинциях.

Ми Хи слушала, её пальцы барабанили по подлокотнику. Восемьдесят процентов. Значит, двадцать остались в карманах сборщиков. В карманах её брата.

— Неурожаи, — повторила она тихо. — Странно. В прошлом месяце вы докладывали о избытке зерна в тех же провинциях. Куда оно делось, Левый советник?

В зале повисла напряженная тишина. Мён Хо дрогнул, но лишь на мгновение.

— Часть зерна была испорчена из-за влажности, Ваше Величество. Часть... отправлена на содержание армии.

— Армия получает половину пайка, брат, — отрезала Ми Хи. Её голос не повысился, но в зале стало холоднее. — Не лги мне. Не здесь.

Мён Хо сглотнул. Он привык, что она покрывает его грехи. Но сегодня она была не сестрой. Она была Регентом.

— Я... проверю отчеты, — пробормотал он.

— Проверишь, — согласилась Ми Хи. — И найдешь виновных. И они будут наказаны. Публично.

Она обвела взглядом зал. Она видела, как некоторые сановники переглянулись. Они чувствовали трещину. Брат и сестра. Две головы одной змеи. И вдруг одна голова укусила другую.

— Следующий вопрос, — сказала она.

Совет длился три часа. Решения принимались жестокие. Новые налоги на соль. Усиление цензуры. Карательные экс-

педиции в деревни, где слышался ропот. Ми Хи подписывала указы уверенной рукой. Она знала, что страна увядает. Она видела это в глазах посланников из провинций — изможденных, голодных, боящихся вернуться домой без ответа.

Но она не могла остановиться. Машина власти требовала топлива. Если она ослабит хватку, кланы разорвут Чосон на части. Кимы ждут в тени. Со Ин скрывается где-то с остатками верной гвардии. Генерал Кан... Кан молчит, но его солдаты на границах точат мечи.

Ей нужна была стабильность. Любой ценой. Даже если цена — голод и кровь.

Когда совет закончился, Ми Хи вернулась в свои покои. Усталость навалилась тяжелой плитой. Она сняла корону, и на лбу остались красные следы. Ана помогла ей сменить одежды на более простые, домашние. Служанка действовала бесшумно, её руки были легкими и заботливыми. Она принесла воду для умывания, полотенце, мягкое как пух.

Ми Хи подошла к окну. Солнце клонилось к закату, окрашивая небо в багровые тона, похожие на запекшуюся кровь.

Два месяца. Она держала Чосон за горло. Но рука устала.

Она вспомнила Ли Джина. Лежащего, пустого. Вспомнила Ми Ён в заточении. Вспомнила Кан Хе Вон, которая исчезла из дворца после того скандала. Говорили, она ушла на границу, к отцу. Воин в юбке. Еще одна угроза.

И Со Ин. Тень, которая не умерла. Он был где-то там, в темноте, точил свой клинок. Ми Хи налила себе чашку вина. Не чая. Вина. Ей нужно было тепло.

— Ана, — позвала она.

Служанка возникла из тени.

Ми Хи сделала жест рукой, указывая на ванную комнату, а затем показала два пальца, указывая на флакон. Ана кивнула. Она поняла. Ванна с солями и лавандой. И тот флакон.

Синий.

Ана замерла. Её глаза расширились. Она знала, что со-
держится в синем флаконе. Это было не лекарство. Это был
эликсир, который держал её госпожу в тонусе, заглушал боль
в суставах и прояснял ум, но имел цену. Он сокращал жизнь.
Ана сделала шаг вперед, её руки дрогнули, словно она хоте-
ла возразить, но не могла. Она лишь посмотрела на Ми Хи
с немым вопросом, полным боли.

Ми Хи встретила её взглядом. В её глазах не было
сомнения. — Принеси, — повторила она, и её голос не до-
пускал возражений.

Ана опустила голову, скрывая слезы, и бесшумно удали-
лась.

Когда служанка ушла, Ми Хи снова посмотрела в зеркало.
Лицо смотрело на неё.

Старое. Жестокое. Одинокое.

Она победила всех. Кимов. Внука. Невестку. Брата.

Но победа была похожа на пустыню. Красивую, холодную
пустыню, где нет воды.

Она провела пальцем по холодному стеклу зеркала.

— Я выжила, — прошептала она своему отражению. — Я
всегда выживаю.

Но в тишине покоев ей показалось, что из угла, где стоя-
ли тени, ей ответил тихий, насмешливый шепот. Голос Ли
Джина. Или голос её собственной совести, которую она уби-
ла много лет назад.

Ми Хи резко отвернулась.

Завтра будет новый день. Новый совет. Новые указы. Новая кровь.

Она была Регентом. Она была скалой. И она будет стоять здесь, пока не превратится в пыль. А Чосон... Чосон подождет. Или сгорит. Это уже не имело значения. Важно было лишь то, что она держит нити. И пока нити в её руках, куклы будут танцевать.

Даже если куклы уже мертвы.

Она легла на ложе, не дожидаясь ванны. Тело ломило. В голове пульсировала боль. Но разум был ясен, холоден, остер.

Она закрыла глаза и увидела трон. Пустой трон. И себя, сидящую рядом. Вечную. Неумолимую.

Ранняя весна стучала в окна ветром. Но внутри дворца была только зима. И Пак Ми Хи была её королевой.

В покоях короля время не текло — оно застывало, как воск в остывшей лампаде. Здесь не было ни утра, ни ночи, лишь вечные сумерки, разбавляемые мерцанием фитилей и тенью от шелковых штор, которые не смели раздвигать полностью. Воздух был густым, вязким, пропитанным запахами, от которых становилось тошно даже привычным служанкам: горькая полынь, сладковатый женшень, кислый запах пота и тот едва уловимый, металлический привкус угасания, который неизбежно появляется там, где жизнь висит на тонкой нити.

Ли Джин лежал на широком ложе, укрытый тяжелым одеялом из желтого шелка — цвета, доступного лишь Сыну Неба. Но под этим символом власти скрывалось тело, ставшее чужим даже самому себе. За два месяца комы он похудел так, что скулы выступили острыми гранями, а кожа на руках стала прозрачной, словно рисовая бумага, сквозь которую просвечивали синие реки вен. Грудь его поднималась редко и поверхностно, каждый вдох казался усилием, требующим преодоления невидимого сопротивления.

У изголовья, словно высеченная из тени, сидела Мун Со Рён.

Она не спала. Ей не разрешалось спать здесь, в священной

близости к телу государя. Она сидела на низкой циновке, выпрямив спину так, что казалось, будто позвоночник её заменён нефритовой палочкой. Её руки лежали на коленях, ладонями вверх, в позе полной покорности. Она была идеальным инструментом клана Пак: девятнадцатилетняя девушка, воспитанная в строгости, лишённая собственной воли, «глина», как называла её сама Вдовствующая королева.

Со Рён не смотрела на короля с жалостью. Жалость была роскошью, которую она не могла себе позволить. Её задача была иной: быть глазами. Фиксировать каждое изменение дыхания, каждое движение век, каждый шёпот лекаря. Она была живым докладом, ожидающим своего получателя. Её присутствие здесь было не заботой, а надзором. Даже без сознания король не принадлежал себе — он принадлежал государству, а значит, клану Пак.

Дверь бесшумно приоткрылась. Вошёл Чон Нам Сон.

Главный евнух двигался так тихо, что даже пламя свечей не колыхнулось. Его лицо, обычно непроницаемое, носило маску глубокой озабоченности, подобающую слуге, пекущемуся о здоровье хозяина. Но в его глазах, когда взгляд падал на неподвижное тело Ли Джина, вспыхивала искра, которую не увидела бы даже самая проницательная Вдовствующая королева. Это была искра старой, закалённой в огне преданности.

Чон Нам Сон служил Ли Джину не потому, что был обязан. Он служил потому, что помнил. Помнил день, когда

юный принц, рискуя гневом евнуха Ким Док Хи, спас сестру Чон Нам Сона от позора и смерти. Тот долг нельзя было оплатить золотом или титулами.

Его можно было оплатить только жизнью. И теперь, когда жизнь короля висела на волоске, Чон Нам Сон стал тенью внутри тени.

— Как он? — спросил евнух, его голос был тихим, но в этой тишине он прозвучал как клятва.

Со Рён медленно подняла голову. Её взгляд был пустым, как отполированное зеркало.

— Пульс слабый, господин. Дыхание поверхностное. Лекарь Сан сказал, что ночь была тяжёлой.

Чон Нам Сон кивнул, подходя к ложу. Он не стал сразу касаться короля. Сначала он проверил температуру воздуха ладонью, затем осторожно, тыльной стороной пальцев, коснулся лба Ли Джина. Кожа была холодной, влажной.

— Принеси воду. Теплую. И полотенце, — приказал он, не оборачиваясь.

Со Рён поднялась. Её движения были плавными, отточенными ритуалом. Она вышла за ширму и вернулась через мгновение с серебряным тазом и тканью тончайшего льна.

Чон Нам Сон взял полотенце. В этот момент их взгляды встретились. На долю секунды. В глазах евнуха не было приказа, был немой вопрос. «Ты видишь? Ты понимаешь, что происходит?» Со Рён опустила взгляд. Она была умнее, чем о ней думали. Она понимала, что является пешкой. Но у

пешки нет выбора, кроме как идти туда, куда её ведут. Она видела, как пальцы евнуха слегка дрожали, когда он отжимал ткань. Она видела, как он смотрит на короля не как на объект ухода, а как на человека. Но она молчала. Её молчание было её броней. Если она увидит лишнее — она умрёт. Если она не увидит ничего — она умрёт тоже. Оставалось лишь быть идеальной пустотой.

Евнух начал осторожно обтирать лицо короля. Движения его были нежными, почти отцовскими. Он обходил шрамы, помнил каждую родинку. Он знал, что в отваре, который давали королю утром, была добавлена капля настойки, вызывающей глубокий сон. Не смертельная. Но достаточная, чтобы Ли Джин не проснулся. Чон Нам Сон не мог отменить приказ Вдовствующей королевы открыто. Но он мог нейтрализовать её действие.

Пока Со Рён стояла у стола, складывая использованные ткани, Чон Нам Сон сделал движение, которое могло показаться случайным. Он поправил воротник рубахи короля, и его рука на мгновение задержалась у шеи, там, где бился пульс. В складках его широкого рукава был спрятан крошечный флакон из чёрного стекла. Одно незаметное движение мизинцем — и капля прозрачной жидкости скользнула под воротник, впитываясь в кожу. Это был антидот. Слабый, чтобы не вызвать резкой реакции, но достаточный, чтобы поддерживать искру жизни, чтобы мозг короля не умер от бескислородного голодания.

— Ты слишком усерден, господин, — тихо произнесла Со Рён. Её голос был бесцветным, но в нём прозвучала нотка предупреждения. — Вдовствующая королева не любит, когда трогают государя без лекаря.

Чон Нам Сон выпрямился. Его лицо снова стало маской.

— Грязь на лице государя — это позор для всех нас, де-вушка Мун. Если Её Величество спросит, я скажу, что следовал ритуалу очищения перед утренним обходом лекаря. Ты ведь не станешь докладывать ей о том, что я вытер пот со лба своего господина?

Со Рён молчала. Она знала, что станет. Её долг был докладывать обо всём. Но она также знала, что Чон Нам Сон — главный евнух. Его слово весит больше её. Если он скажет, что это было нужно, значит, так и было.

— Я доложу только то, что видела, — сказала она наконец. — Я видела уход.

— И этого достаточно, — кивнул Чон Нам Сон.

Он отошел от ложа и подошел к окну. Бумага ширм была натянута туго. За ней был мир, который продолжал жить без своего правителя. Крестьяне пахали землю, чиновники брали взятки, кланы точили ножи. И в центре этого хаоса лежал человек, от которого зависело все.

Чон Нам Сон вспомнил день, когда Ли Джин назначил его главным евнухом. Это было после падения Ким Док Хи. Король тогда посмотрел на него и сказал: «Ты знаешь, что такое боль. Ты знаешь, что такое потеря. Поэтому ты не станешь

тем, кого я ненавижу». Эти слова жгли его каждый день. Они были тяжелее короны.

Евнух вернулся к ложу и взял со столика небольшую шкатулку из черного дерева. Он открыл ее. Внутри лежал не нефрит и не золото. Там лежал старый, потертый веер из простой бумаги. На нем была написана каллиграфическая строчка: *Ветер не гнет бамбук, он лишь проверяет его корни*. Это был подарок короля, сделанный в тайне, до того, как все началось. Чон Нам Сон провел пальцем по иероглифам.

— Корни держат, Ваше Величество, — прошептал он. — Но ветру нужно помочь сломать некоторые ветви, чтобы дерево выжило.

Он закрыл шкатулку и спрятал ее в складки своих одежд, ближе к сердцу. Это было его оружие. Не меч, не яд. Память.

За дверью послышался скрип. Смена караула. Чон Нам Сон мгновенно изменился. Его спина выпрямилась, лицо стало гладким, как камень. Он отошел от ложа и встал в свою обычную позу у изголовья, сложив руки в руках.

Вошла служанка с новым отваром. Она посмотрела на евнуха с опаской. Все знали, что Чон Нам Сон — глаз и ухо Вдовствующей королевы. Никто не знал, что он — щит короля.

— Оставь, — сказал евнух бесстрастным голосом. — Я проверю сам.

Служанка поклонилась и вышла, облегченно выдохнув.

Ей не хотелось быть рядом, когда главный евнух в таком настроении.

Чон Нам Сон взял чашку. Он не стал пробовать ее на вкус — это было бы слишком заметно. Он просто подержал ее над жаровней, где тлел его порошок. Дым не изменил цвета. Значит, отвар чист. Сегодня.

Он поставил чашку обратно. Его работа была невидимой. Его победы не воспевались в хрониках. Если король выживет, никто не узнает, что Чон Нам Сон спас его. Если король умрет, Чон Нам Сон станет первым, кого казнят за небрежность.

Он снова посмотрел на лицо Ли Джина. В тишине покоев ему показалось, что губы короля дрогнули. Едва заметно. Как будто тень пролетела по воде.

Евнух замер. Он наклонился ближе, затаив дыхание.

— Ваше Величество?

Тишина. Только шум собственного сердца в ушах.

Чон Нам Сон выпрямился. Ему нельзя было надеяться слишком сильно. Надежда делала человека неосторожным. Но искра зажглась. Маленькая, слабая, но живая.

Он подошел к двери и приоткрыл ее, выглянув в коридор. Стражники стояли неподвижно, как статуи. Никто не подслушивал.

— Принесите еще угля для жаровни, — сказал он стражнику. — И передайте лекарю Сану, что я хочу видеть его отчет о составе трав за прошлую неделю. Лично.

— Слушаюсь, господин, — стражник поклонился.

Чон Нам Сон закрыл дверь. Он вернулся к ложу и сел на низкую циновку рядом. Он не ложился. Он не смел спать глубоко. Он дремал урывками, одним ухом слушая дыхание короля.

В этой комнате, пропитанной запахом болезни и власти, шла своя война. Не было звона мечей, не было криков. Только тихое противостояние воли. Вдовствующая королева хотела законсервировать время. Чон Нам Сон хотел дать ему течь.

Он посмотрел на свои руки. Они были чистыми, ухоженными, как подобает евнуху высокого ранга. Но под ногтями скрывалась грязь интриг, в которую он погружался каждый день, чтобы сохранить чистоту рук своего короля.

— Скоро, — сказал он в темноту. — Весна придет. И снег растает.

Он не знал, когда это случится. Через день? Через месяц? Через год? Но он будет здесь. Он будет стоять между королем и тьмой, пока у него есть дыхание.

Вдовствующая королева думала, что купила его. Она думала, что власть — это лучшая награда. Она забыла, что есть вещи, которые нельзя купить. Есть долги, которые платят кровью. Есть клятвы, которые не стираются временем.

Чон Нам Сон закрыл глаза, но не для сна. Для концентрации. Он слушал ритм дыхания короля, подстраивая под него собственное. Они были связаны теперь не просто дол-

гом слуги и государя. Они были сообщниками в заговоре против самой судьбы.

За окном ветер усилился, завывая в трубах. Ранняя весна в Чосоне всегда была жестокой. Она срывала последние сухие листья, обнажая голые ветви. Но под корой, в глубине древесины, уже начинало двигаться соки.

Евнух открыл глаза. В них не было страха. Только холодная решимость.

— Я жду, Ваше Величество, — прошептал он в последний раз перед тем, как дверь снова открылась для лекаря. — Не заставляйте меня ждать слишком долго. Тени становятся длиннее.

И в тишине, нарушенной лишь скрипом двери, ему показалось, что пальцы короля на мгновение сжались в ответ.

Мун Со Рён наблюдала за этим из своего угла. Она видела, как евнух прятал шкатулку. Она видела, как капля исчезла в воротнике. Она могла бы закричать. Могла бы побежать к Вдовствующей королеве. Но она не двинулась. Потому что в тишине этой комнаты, среди запаха лекарств и смерти, она впервые почувствовала что-то, кроме страха. Она почувствовала надежду. И надежда была опаснее любого яда. Она тихо вздохнула и снова опустила глаза, становясь невидимой. Но теперь её невидимость служила не только Пакам. Она служила тишине, которая хранила секрет короля.

Ветер в провинции Хамгён не дул — он резал. Он нёсся сквозь ущелья крепости «Железный Хребет», словно невидимый палач, сдирая кожу с камней и вымораживая тепло из костей. Здесь, на самом краю Чосона, ранняя весна не приносила надежды. Она приносила лишь грязь, смешанную с последним снегом, и ощущение бесконечного ожидания битвы, которая никак не начиналась.

Кан Хе Вон стояла на тренировочном плацу, несмотря на пронизывающий холод. Её дыхание вырывалось клубами белого пара, мгновенно замерзая на ресницах. В руках она сжимала деревянный меч — мокпон, тяжёлый, потёртый годами использования. Она не чувствовала холода. Её тело было закалено не роскошью дворцовых покоев, а суровой дисциплиной границы, где она выросла.

Удар. Выпад. Блок. Движения были отточенными, жестокими, лишёнными всякой изящной бесполезности. Каждый взмах меча был направлен на то, чтобы убить. Не на то, чтобы понравиться. Не на то, чтобы защитить честь. Чтобы убить угрозу.

— Госпожа, — голос адъютанта её отца прорвал свист ветра. — Гонец из столицы.

Хе Вон остановилась. Деревянный меч медленно опустил-

ся. Она не обернулась сразу. Сначала вытерла пот со лба тыльной стороной руки, хотя пот мгновенно остывал на коже. Только затем она повернулась. Её лицо было спокойным, словно маска, вырезанная из льда.

— Что пишут? — спросила она. Голос был ровным, без дрожи.

— Король всё ещё без сознания, — адъютант колебался, глядя в землю. — Вдовствующая королева правит как регент. И... Хан Со Ин.

Хе Вон чуть прищурилась. Единственное движение, выдавшее интерес.

— Он разжалован, — продолжил адъютант, чувствуя, как холодеет воздух вокруг неё. — Обвинён в халатности. Снят с поста начальника стражи. Говорят... говорят, он больше не несёт службу. Его видят в нижнем городе. В домах удовольствий. Пьёт.

Хе Вон кивнула. Медленно. Она ожидала этого. Дворец не прощал ошибок. Особенно таких, которые касались жизни Короля. Со Ин был лучшим воином, которого она знала. Его преданность была абсолютной, как закон тяготения. Но преданность не защищала от яда, подлитого в тень.

— Он слаб, — произнесла она тихо. Не с осуждением. С констатацией факта.

— Госпожа? — адъютант поднял глаза, удивлённый.

— Он позволяет боли сломать себя, — сказала Хе Вон, начиная медленно ходить по плацу, снова сжимая рукоять

меча. — Вместо того чтобы точить клинок в темноте, он топил его в вине. Это не путь воина.

— Но он защищал Короля, — рискнул возразить адъютант. — Он любит...

— Он солдат, — отрезала Хе Вон. В её голосе не было злости. Была сталь. — У солдат не бывает любви к тем, кого они охраняют. Есть долг. Есть клятва. Если он забыл об этом, значит, он уже мёртв. Даже если дышит.

Она остановилась и посмотрела на юг. Там, за сотнями ли гор и туманов, лежала столица. Там лежал Король, её государь, в чьём здоровье она не сомневалась. Не потому что была наивна. А потому что сомнение было роскошью, которую она не могла себе позволить. Если Король умрёт — Чосон погрузится в хаос. Если Король жив — есть шанс вернуть порядок. Она выбирала порядок.

— Передай гонцу, — сказала она, поворачиваясь спиной к югу. — Я остаюсь здесь. Моя служба — на границе. Столица сама разберётся со своими крысами.

— А Со Ин? — спросил адъютант. — Ему... передать что-нибудь?

Хе Вон замерла. В памяти всплыл тот разговор в саду. Три месяца назад. Перед тем как всё рухнуло. Он признался ей. Не в любви к стране. В любви к ней. Глупо. Неуместно. Опасно. Она отвергла его не потому, что была жестока. А потому что чувства делали клинок хрупким.

— Нет, — сказала она. — Солдат, который напился, не

нуждается в словах товарища. Ему нужно протрезветь. Или умереть. Пусть выбирает.

Она снова подняла меч. Удар. Воздух рассекся со свистом. Она не чувствовала жалости. Жалость была для тех, у кого есть роскошь выбирать. У неё был долг. И она верила, что Король проснётся. Потому что, если не проснётся он — проснётся хаос. А хаос она ненавидела больше смерти.

Столица Хансон задыхалась. Под тонким слоем снега, покрывавшим черепичные крыши, гнила грязь. В квартале Чхонным, где огни никогда не гасли полностью, даже в самую глубокую ночь, воздух был густым от запаха жареного масла, дешёвых духов и человеческого отчаяния.

Дом «Золотой Феникс» не был местом для знати. Здесь не играли на каягyme изысканные мелодии и не читали стихи при луне. Здесь продавали забвение. Грубое, липкое, дорогое забвение.

Хан Со Ин сидел на полу, прислонившись спиной к резной колонне. Вокруг него валялись пустые бутылки из-под рисового вина «соджу». Воздух был густым от запаха дешёвых духов, табачного дыма и пота. Три девушки-кисэн окружали его. Одна терла ему плечи, другая подливала вино в его чашку, третья, самая молодая, робко гладила его по щеке, пытаясь вызвать улыбку.

Со Ин не улыбался. Его глаза были открыты, но смотрели сквозь них. В них застыла пустота, более глубокая, чем любая пьяная муть.

— Господин... — прошептала девушка, касающаяся его щеки. — Вы так холодны. Давайте я согрею вас.

Она попыталась притянуть его голову к своей груди, пах-

нущей пудрой и сладким маслом. Со Ин позволил это. Его тело реагировало механически, как у дрессированного зверя. Он обнял её за талию, грубо, без нежности, и прижал к себе. Но в этом объятии не было желания. Было только отчаянное стремление заглушить боль, забиться в чужое тепло, чтобы не чувствовать собственного холода.

Он сделал ещё глоток вина. Жидкость обожгла горло, но не согрела. Внутри было выжженное поле.

Два месяца назад его мир рухнул. Король, его брат, его причина жить, лежал в коме.

Королева обвинена. Вдовствующая королева захватила власть. А он... он был здесь. Пил. Спал со случайными женщинами. Позволял себе распадаться на части, потому что если он соберётся обратно, то придётся действовать. А действовать значит признавать, что он не уберёт. Что он пропустил удар.

— Ещё, — хрипло сказал он, протягивая чашку.

Девушка налила. Он выпил залпом.

В его голове всплывал образ. Не короля. Не убийц. «Её.» Кан Хе Вон.

Тот разговор в саду. Три месяца назад. Когда он, сломанный усталостью, признался ей. Когда слова вырвались наружу, как кровь из раны. Он помнил её глаза. В них не было любви. Не было страсти. Было понимание. Понимание солдата, который видит, как товарищ теряет кровь. Она не оттолкнула его с презрением. Она не приняла его дар. Она ска-

зала: «Уходите. Пока вы не сказали того, что уже нельзя будет исправить».

Для неё он был братом по оружию. Инструментом. Союзником. Не мужчиной.

И эта правда жгла его сильнее любого вина. Он был нужен ей как щит. Как меч. Но не как человек.

— Господин, вы плачете? — спросила вторая девушка, заметив влажный блеск в его глазах.

Со Ин моргнул. По щеке скатилась слеза. Он даже не заметил, когда это случилось.

— Нет, — соврал он. Голос был как скрежет камня о камень. — Это вино. Кислое.

Со Ин не оттолкнул её. Он даже не посмотрел на неё. Его взгляд был устремлён в пламя свечи, которое плясало в сквозняке. Он видел не огонь. Он видел кровь. Кровь на губах Ли Джина. Кровь на своих руках. Кровь, которую он не смог остановить.

Он потянулся к другой девушке, той, что моложе, с накрашенными слишком ярко губами. Его рука легла ей на талию, грубо, без нежности. Не как любовник. Как утопающий, хватающийся за соломинку.

— Налей, — приказал он ей.

Она налила, дрожащими пальцами. Он выпил, не отрывая взгляда от свечи. — Выпей со мной, — сказал он.

— Я не могу, господин, хозяин...

— Я сказал, выпей! — рявкнул он, и в его голосе прозвуч-

чала сталь, от которой девушка побледнела. Она послушно взяла чашку, отпила глоток, закашлялась.

Со Ин наблюдал за ней. В её глазах был страх. Хорошо. Страх был реальным. Страх был понятным. В отличие от той лжи, что царила во дворце. Там все улыбались, когда хотели убить. Здесь хотя бы знали цену всему. Вино стоило монету. Женщина стоила две.

Жизнь короля... жизнь короля не стоила ничего, если её охранял такой слепец, как он.

— Господин... — тихо позвала та, что сидела у него за спиной массируя плечи.

Со Ин повернулся к ней. В его глазах была пустота.

— Ты хотела тепла? — спросил он.

Он резко притянул её к себе, опрокидывая на циновки. Не было нежности. Не было страсти. Было только отчаянное желание заглушить мысли, заглушить память, заглушить боль. Он искал забвения в чужом теле, потому что в собственном ему было невыносимо.

Она не сопротивлялась. Она знала свою работу. Она обняла его, пытаясь дать хоть какое-то утешение, но чувствовала, как он дрожит. Не от желания. От холода, который шёл изнутри.

— Забери меня, — прошептал он ей в волосы, когда всё закончилось, и он лежал, глядя в закопчённый потолок. — Уведи меня туда, где нет имен. Где нет королей. Где нет тебя.

— Я здесь, господин, — прошептала она, глядя его по спине. — Я здесь.

— Нет, — закрыл он глаза. — Здесь только вино. И пыль. Он потянулся за новой бутылкой. Рука была тяжёлой, как свинец. Он откупорил её зубами, пробка упала на пол.

— Налей, — приказал он женщине, что сидела рядом. — И себе.

Он пил, пока мир не начал плыть. Пока лица женщин не превратились в смазанные пятна. Пока голос в его голове, голос долга, голос короля, не стих окончательно, заглушённый шумом крови в ушах.

Он не вышел на улицу. Он не посмотрел на север. Он остался в «Золотом Фениксе», в липкой темноте, среди чужих тел и запахов. Он выбрал дно. Потому что только на дне нельзя упасть ещё ниже.

Хан Со Ин, тень короля, меч Чосона, человек, который когда-то клялся защищать свет любой ценой, теперь просто хотел, чтобы стало темно. Просто темно. Без звёзд. Без расвета. Без надежды.

И вино, тёплое и предательское, несло его туда, в эту спасительную, убийственную темноту.

Время в покоях опальной королевы Ким Ми Ён не текло — оно гнило.

Два месяца. Шестьдесят дней и ночей, которые слились в одну бесконечную, удушающую серость. Окна, выходящие во внутренний сад, были заколочены изнутри не досками, но плотными слоями бумаги и ткани, по приказу Вдовствующей королевы. «Для сохранения тепла», — сказали евнухи. «Чтобы она не видела того, что ей видеть не следует», — было истинной причиной. Свет проникал сюда лишь тонкими, болезненными полосами через щели, выхватывая из полумрака танцующие пылинки, похожие на души умерших предков, застрывших в ловушке этого мира.

Воздух был густым, спёртым. Он пах лекарственными травами, которые приносили лекари, проверяющие её живот, но чаще — запахом страха. Страх имел свой запах: кислый, металлический, въедающийся в поры, в шелк одеяний, в волосы. Ми Ён лежала на широком ложе, укрытая тяжелым одеялом цвета увядшей вишни. Её тело, некогда хрупкое и изящное, казалось теперь частью мебели. Она почти не вставала. Её мир сузился до размеров этой комнаты, до шагов одной-единственной служанки, Аран, которая была одновременно её спасением и тюремщиком.

Аран двигалась бесшумно, как призрак. Она боялась ступить слишком громко, боялась дышать слишком громко. Она видела, как угасает её госпожа. Видела, как бледнеет кожа, как темнеют белки глаз, наполняясь кровью от бессонницы. Два месяца изоляции. Два месяца неизвестности о судьбе мужа, короля Ли Джина, который лежал в соседнем крыле, такой же беспомощный, но охраняемый как святыня. Ми Ён же была заперта как преступница. Обвинённая в том, чего не совершала. Отравительница. Предательница.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.